

Иван Александрович Щёлоков родился в 1956 году в селе Красный Лог Воронежской области. Окончил филологический факультет Воронежского государственного университета. Многие годы отдал журналистике и государственной службе в сфере печати. Автор тринадцати книг и многочисленных публикаций в литературных журналах. Лауреат премии ЦФО в области культуры и искусства, а также ряда международных и всероссийских литературных премий, заслуженный работник культуры РФ. Председатель Воронежского отделения Союза писателей России. Живет в Воронеже.

Иван Щёлоков

КОГДА И СМЕРТЬ — ЗА ЖИЗНЬ

МОЙ ДОНБАСС

Мой Донбасс — это Луганск. Я никогда не был в Донецке — не сложилось. Не бродил по азовскому побережью в Мариуполе.

Не поднимался на Белую гору в Лисичанске. Не любовался с ее высот речными красотами и сизоватыми очертаниями индустриального Северодонца на противоположном берегу.

А в Луганске я прожил три дня.

Правда, было это в прошлой жизни.

Когда еще граница между Украиной и Россией, хоть и раздражала, но уже не воспринималась нелепостью в межгосударственных отношениях...

Когда еще не стеснялись говорить о братстве народов...

И был июнь двухтысячного. Областной День журналиста в Луганске. Помимо нас, воронежцев, на праздник к украинским коллегам съехались газетчики из Ростова, Белгорода, Курска, не считая своих — из Харькова и Донецка.

Стояла жара — за тридцать. Власти выделили нам микроавтобус «газель». По дороге на Луганщину прихватили товарищей по цеху из Россоши и Кантемировка. Пока проходили таможенный и пограничный контроль, к нам подошел высокий,

физически крепкий мужчина лет пятидесяти в темном костюме. Представился главой Марковского района Луганской области. По-хозяйски сгреб нас в кучу и за какие-то секунды провел через украинские посты. Без всякой проверки. «Так, хлопцы, хлопцы... — уважительно, но твердо обратился он к нам. — Гостей-россиян мы просто так через район не пропускаем. Триста метров вперед, сворачиваем налево в лесок... Там нас ждут...» Все выглядело забавно и романтично. Мы охотно покорились главе, понимая, что есть указание сверху. В лесной чаще на полянке горел костер. Поодаль сидели трое мужчин. Было видно, что из местного начальства. Так и вышло: прокурор района, начальник милиции и судья. В стороне, прямо на траве, был расстелен полог с яствами. Вокруг него хлопотала женщина. «У нас на Луганщине принято сначала съесть кусочек сала, а потом уж и рюмку поднять», — объяснил ход действий глава. Сало на ядовито-знойном солнце подтаяло до полупрозрачности и не выглядело привычно аппетитным. Тем не менее, как и положено, мы съели кто по одному, а кто и по три кусочка и трижды пригубили из стаканчиков местной горилки. Плотно поели окрошки, котлет и мясной нарезки. На дорожку нас снабдили сытной закуской, пряниками в виде розовых коников, пивом «Обоянь», минералкой и парой бутылок украинской водки. «Завтра на Дне журналиста свидимся», — попрощался с нами глава.

Всю дорогу до Луганска мы любовались местными ландшафтами. Они отличались от наших, воронежских. Лично мне в диковинку были терриконы. До этого я их видел по ТВ или на фотографиях в книгах. А тут едешь — и будто былинные русские богатыри встают окрест из земли, чтобы уберечь путника от нежеланной встречи с Соловьем-Разбойником...

Журналистский праздник организован был шикарно. Торжественное заседание. Награждения. Семинары. Забавные аттракционы в парке в течение всего дня. Побывали мы на приеме в облгосадминистрации. Нам показали город, типографию, местные газеты. Кстати, выходили они на русском языке, кроме одной — в отдаленном районе. Вечером был капустник в загородном пансионате — там же, где всех нас разместили. Веселье длилось до утра. Русские и украинские журналисты братались, хмельно клялись в вечной славянской дружбе.

Глава Марковского района тоже не обманул. Разыскал нас в парке. Усадил как старых знакомых за один стол. Подняли бокалы за дружбу и добрососедские связи. Обменялись визитками. Обещали встречаться.

По дороге домой мы заблудились. Свернули на развилке не туда. Поняли это, когда уже отмотали километров двадцать или тридцать. Уточнили у местных жителей. Пришлось возвращаться к той же развилке. Нет, досады не было. Просто лишний час потеряли. Шутили, что это гоголевский черт попутал. И, шумно перебивая друг друга, строили планы на будущее в контактах с луганчанами. Зря, что ли, обменивались телефонами...

Первая попытка договориться об ответном приезде в Воронеж журналистов из Луганска сорвалась.

Потом появились уважительные причины то у них, то у нас...

Потом Украина с манерами избалованной европейской модницы публично обмотала себя «оранжевым» шарфиком...

Потом, будто в наркотическом угаре, до исступления заскакала («Кто не скачет — тот москаль!»)...

Потом и вовсе пошла войной на Донбасс, сбрасывая бомбы на мирные улицы восставших Донецка и Луганска...

И остался во мне этот край в виде одной большой фотографии — с сюжетами Дня журналиста двадцатидвухлетней давности, с улыбающимися лицами коллег из Ростова, Белгорода, Курска, Харькова, Донецка и Луганска...

Сегодня Донбасс сражается...

За себя и за нас — Россию!

Очень хочется верить, что частичка моей луганской памяти поможет устоять перед злом, чьи смертоносные споры из секретных лабораторий украинского нацизма последние восемь лет распыляли над этой благодатной землей.

А слова и раздумья складываются в стихотворные строки, и несет тебя ветер вдохновения, пробуждая в сердце боль и горечь, гордость и счастье вместе с верой в нашу победу...

Иногда поэтические фантазии сбываются. Кто знает, может, доведется побывать и в Донецке, и на могиле легендарного комбата Вохи, и на азовском побережье в Мариуполе, и взойти на Белую гору под Лисичанском, чтоб увидеть с нее всю разом большую русскую землю, которую в очередной раз приходится сообщца защищать от ненавистного врага.

1

Вот и случилось: весна и война...
Цокот скворца и жужжание мины...
Так бы и вымарал из полотна
Всю неестественность этой картины!

Мне не хватает ни слуха, ни глаз.
Спешились чувства, готовые к битве...
Русские мальчишки входят в Донбасс...
Скворушка, песня твоя — как молитва!

Жить бы мне, жить, не греша, не спеша,
Скуку лелеять в быту мимолетном,
Но заливается в крике душа,
Чтобы не слышался лай минометный.

В трелях встревоженных кровная связь
Дух пробуждает — от деда до внука...
Русские мальчишки входят в Донбасс
Ради живого скворчиного звука.

2

А мы еще не поняли — война...
И стыдно вдруг — сидеть в кафе за полночь,
Где разномастная в довольстве сволочь
Балдеет от бургундского вина.

А мы еще не видели — там кровь,
А не вино в залапанных фужерах...
И смерть сверчком в артиллерийских жерлах
Для нас облюбовала адский кров.

А у войны — не гроши, а цена...
Не за глоток бургундского в Донбассе
Обкуренный марихуаной нацик
В российского стреляет пацана.

А там для нас — не выигрыш в лото,
А право быть, дышать, смотреть и слышать...
Война грехи с заблудших, может, слышит,
Предательство и подлость — ни за что!

3

Извилист Северский Донец,
Как человечья мысль шальная.
В разрывах мин — надрыв сердец,
А посреди — земля большая.

Ее не делят берега,
Не рвут, как псы цепные, в клочья
С высот снарядами врага
В англоязычной оболочке.

С обрывов лисичанских круч
Грозит костлявая с косою
Подстроить тройку новых Буч,
Взорвать цистерны с кислотой...

Но даже ворон не узрел,
Круги веками нарезая,
Что будто тут лежит предел,
А за рекой земля — другая.

Нет, все не так!.. И за Донцом,
У белых гор, у обелиска
Луганский юноша с отцом
За эту землю бьют нацистов.

4

Спит Мариуполь — былинный герой.
Берег ласкает азовский прибор.
Краны в порту громыхнут иногда —
С рейда гудком отзовутся суда.
Звезды баюкает в небе луна.
В степь за курган откатилась война.
Лишь в катакомбах завода густы
Запахи пороха и наркоты.

Спит Мариуполь — без мин и боев.
Бездной зияют глазницы домов.
Жизнь продолжается. Жизнь не убьешь.
Высохнут слезы, как утренний дождь.

Город очистят от ран и руин
Жители, воины — все как один.
— Тихо-то как, — выдыхает старик
Возле подъезда, — совсем ведь отвык...
А за углом, где сирени кусты,
Парень с девчонкою строят мечты.
Соорудили из веток скамью.
— Любишь — признайся?
— Да, очень люблю!

Спит Мариуполь... От счастья вольна,
Плещется в берег без страха волна.

5

*Памяти командира батальона «Спарта»
Владимира Жюги с позывным «Воха»*

Погиб товарищ Воха...
Война — часть бытия.
Но Вохина эпоха
Жива, как и земля.

Гордится Волноваха,
И знает весь Донбасс,
Что честь сильнее страха,
А подвиг — ради нас.

Тут родина — не доллар,
А счастье — не безвиз...
И смерти нет у долга,
Когда и смерть — за жизнь.

В боях мужает племя.
И каждый — Вохе брат...
Они штурмуют время,
И с ними — их комбат!

6

Я не вижу войну — я учусь ее слушать
Через грохот моторов на аэродроме,
Где в зенит устремляются МиГи и Сушки,
Словно кровные братья июльского грома.

И — на запад, на запад... Такая работа!
Каждый вылет — маршрут восходящему солнцу,
Чтоб в атаку на тьму русская шла пехота
За спасенье дончан и в защиту херсонцев...

Я войну постигаю в себе удаленно.
В пандемию нас так научили сражаться...

А война — тот же вирус, она — поименна,
Как ковид в лабораториях англосаксов.

Нет, война не идет из меня, продираясь
Криком мертвых детей в городах и на трассах...
Слушаю аэродром — душой надрываюсь:
Возраст мой вышел, но в чувствах я — на Донбассе.

7

В моем мирном июльском Воронеже
В небе днем — три солнца, а ночью — три луны.
По одной из них — для Донецка, по другой — для Луганска,
А по третьей — для себя и всей России...
В полдень я в три раза чаще щурюсь от света.
В полночь я в три раза чутче слушаю мир.
Это теперь судьба — жить в три солнца и в три луны!
Я в три раза сильнее радуюсь выжившим после боя,
Я в три раза горше оплакиваю павших в бою...
Когда-то они возвратятся — мертвые и живые.
Скорее всего, они не припомнят меня и тебя,
Зато они знают: три солнца и три луны — не сказка,
Носить в душе три солнца и три луны — не чудо,
Это — долг сердца перед единой русской жизнью.

2022

ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ

Внуку Ярославу

Мы в «звездные войны» играем с внучком.
Глазенки — огонь, волосенки — торчком.
Азарт — на Вселенную в тельце худом.
Уже монитор — ходуном, ходуном.
Внук щелкнет по мышке — была, ни была! —
И сразу планета свободна от зла:
От роботов, монстров и нечисти всей,
Кто лез покорить, чтобы править на ней...
Внук радостен, будто герой среди звезд,
И верит, что все происходит всерьез.
Кричит: «Уничтожу и в пепел сотру
За маму, за папу, за деда, сестру...»

А я на диване поодаль сажу,
За «звездными войнами» внука слежу.
Мне чудится детство, из палки — ружье.
Не с монстрами бьюсь, зажимая цевье.
Под танковый скрежет, под бомбовый свист
Я вижу, как в деда стреляет фашист.
...Смоленск. Окружение. Польша. И плен.
И мерзлая свекла картошке взамен.

Прикладом под дых: «Русиш швайн, не зевай,
Работай, работай или издыхай!»
...Дед выжил в аду, возвратился домой —
Герой безымянный, простой рядовой...

В растроганных чувствах я внуку шепну:
«А ну ее к лешему — эту войну!
Ты храбро сражался и выиграл бой,
Теперь отдохнем на привале с тобой:
Планета по-прежнему к людям добра...»
...Игра хороша, когда просто игра.

* * *

Годы торопят, и жизнь нарасхват —
Оптом, в рассрочку и просто поштучно.
Разве из нас кто-нибудь виноват,
Что оказался в гражданской толкучке?

Хочется солнца, рыбалки, реки,
Книжки хорошей и женщины верной,
Но задыхаются в пульсе виски,
Словно матросы от дыма в таверне.

Жизнь — не базар, только разницы нет:
Кто продает, кто скупает с азартом
В чередовании смыслов и лет
Наше стремленье к счастливому старту...

Воздух вдыхаю до хруста в хребте,
Вихрям противлюсь, как дедова кровля,
И по пути от мытарства к мечте
Не принимаю такую торговлю.

* * *

С крыш на солнышке — кап, кап, кап...
А в тенечке снег — скрип, скрип, скрип...
В терпком счастье из хвойных лап
Мы на ощупь живем, на всхлип...

Нет другого — терпеть, терпеть,
Ведь терпение — жизнь и Бог...
А не станем терпеть — смерть, смерть:
Без зазыва — и на порог.

Чьи-то губы — к губам, к губам...
Чьи-то щеки — в огне, в огне...
Что обещано было нам,
Промоталось на стороне.

Лишь на солнышке — кап, кап, кап...
А в тенечке до полдня — скрип...
Вынь из сердца занозу-кляп:
Не на всхлип надо жить — на вскрик!

* * *

Еле-еле солнце в теле,
Время к ночи и луне.
Кто мы есть на самом деле
В уходящем этом дне?

Все надеялись: износа
Свету нет и небесам.
И чертила тень вопроса
След орбиты по сердцам.

Не себя, конечно, жалко,
Не лучей, еще живых.
Света нет — душе не жарко,
Значит, нечем греть других.

Хоть бы отблеск, хоть бы лучик...
Ночь. Луна. И лай собак.
Ничему года не учат.
Или учат, но не так...

* * *

Возле церкви на морозце
День в сугроб румянцем влит.
Снегири как богомольцы —
В липах с песнями молитв.

Я и сам, подобно птицам,
Слыша звон колоколов,
Целый день готов молиться
В искупление грехов.

От земных недугов средство —
Небо в росписях лучей...
Знаю, легче станет сердцу
От молитв и снегирей.

И над всем далеким прошлым,
Над грядущим вещим днем
Кружит легкая пороша
Красногрудым снегирем.

Узкий двор. Дом-музей Никитина.
Снег неспешный и птичий след...
Если можете, объясните мне,
Нужен ли в век IT поэт?

Тишина, как в святой обители.
Нет тут времени. Сон. Игра.
Галки шлепают в серых кителях
По былью в глубине двора.

Кружит снег... На граните надписи.
Жаль, не скажут они о том,
Кто бы мог спасти от напасти нас —
Быть мирской суеты рабом.

Ель склонилась к Ивану Саввичу,
Шепчет, будто бы жив поэт...
У Никитина я и сам хочу
Все понять и узнать ответ.